

Б. Петрик

**УЗБЕКИСТАН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩЕСТВОМ,
ОСНОВАННЫМ НА ПРИНЦИПЕ ЭТНИЧНОСТИ.
НО МОЖЕТ ТАКОВЫМ СТАТЬ**

Заслугой коллективного труда “Этнический атлас Узбекистана” под редакцией А. Ильхамова можно считать тот факт, что по его прочтении возникает комплекс вопросов относительно современного развития Центральной Азии, в частности Узбекистана. Книга поднимает целый ряд научных проблем, исчерпывающий анализ которых в рамках настоящей публикации невозможен.

Прежде чем изложить свои критические соображения по поводу статьи Ильхамова, должен сказать, что я как антрополог был чрезвычайно удивлен, обнаружив в указателе “этнических меньшинств”¹ в атласе американцев, бельгийцев, итальянцев, испанцев, французов и даже югославов. Это удивление не проходит и при прочтении вступительной статьи, где начисто отсутствует научная рефлексия по поводу использования терминов “этническая группа” и “этническое меньшинство”. Значит, необходимо остановиться здесь на фундаментальных принципах применяемого в книге подхода, т.е. на определении объектов исследования – этнической группы и нации.

Сразу же возникает целая серия вопросов: можно ли считать, например, французов (или другие группы, перечисленные в указателе) этнической группой? Что такое этническая группа? Можно ли считать французов или, скажем, таджиков этническими меньшинствами в Узбекистане? В чем отличие этнической группы “узбеки” от других этнических групп, рассматриваемых в книге?

Термины “этническая группа” и “этническое меньшинство” используются в “Этническом атласе”, да и в других публикациях последних лет, как очевидная данность, не нуждающаяся в каком-либо уточнении или объяснении их смысла. Ильхамов, отказавшись от употребления термина “этнос”, попросту заменил его “этническим меньшинством” при анализе этнического многообразия узбекского общества.

Использование термина *ethnie* и его различных вариантов (этнос, этническая группа) на протяжении нескольких десятилетий подвергается серьезной критике в антропологической литературе различных национальных научных школ². Результатом этой критики стало достижение определенного консенсуса относительно невозможности объективного определения этнической группы. Как мне уже приходилось писать³, антропология в Узбекистане обошла стороной эти дебаты, достаточно острые в период “перестройки” (нашедшие, в частности, отражение в журнале “Советская этнография”), и продолжает употреблять термин “этнос”.

М. Вебер, который исследовал это понятие, в конце концов отказался от него, признав, что даже если группа может определять себя на основе веры в общее происхождение, она представляет собой социальную реальность, с трудом поддающуюся определению.

Различные дефиниции используют культурные критерии (язык, обычаи и пр.), пытаясь объективно описать группу. Эти дефиниции подвели антропологов к эссенциалистскому пониманию этнической принадлежности, согласно которому этническая идентичность – природное явление⁴, как цветок, принадлежащий к определенно-

Борис Петрик (Pètric) – сотрудник Лаборатории антропологии социальных институтов и организаций (Франция).

му виду. Новаторский подход Ю. Бромлея, вдохновленного трудами С. Широкогорова, привнес более динамичный взгляд на этническую принадлежность, но он рассматривал идентичность в ограниченных рамках эволюционистского понимания группы (стадиальная теория). В конечном счете эта теория завела дисциплину в тупик благодаря непрестанным поискам происхождения этнических групп (этногенезу).

Вопреки своим заявлениям Ильхамов не выходит за рамки этого эволюционистского подхода, пытаясь в своей статье дать объективный ответ на вопрос: что такое “быть узбеком”?, и в итоге дает определение узбекской нации в этническом смысле, прослеживая ее от начала этногенеза до современного состояния.

Ильхамов претендует на принадлежность к конструктивистской школе. Он, действительно, использует некоторые элементы этого научного течения (идеи Б. Андерсона и пр.), рассуждая о нации. Однако, как мне кажется, он не принимает в расчет труды Ф. Барта, вклад которого в развитие современной антропологии можно сравнить с революционными идеями Коперника. Согласно его взглядам, стремление определить этническую группу на основе перечня культурных черт, объективно определенных антропологом, неизбежно заводит в тупик. Норвежский исследователь предпочитает говорить об этничности, а не об этнической группе, подчеркивая, что речь идет прежде всего о социальных связях: “этнические группы не существуют иначе как во взаимодействии одни с другими” и, следовательно, не могут самоопределиваться изолированно. Таким образом, согласно современным представлениям об обществе, различные группы определяют себя по отношению к другим группам на основе комплекса культурных характеристик сходства и различия. Иначе говоря, культура – это средство различения, но культурные различия не рассматриваются больше как органические.

Если мы согласны с таким пониманием социальных связей, то обязаны признать, что узбекская идентичность сформировалась не в изоляции, но в контактах с другими группами населения (киргизы, казахи, таджики и пр.). Эти идентичности зародились в процессе взаимодействия на общем центральноазиатском социальном пространстве, как показывает это Ильхамов на примере сартов.

Кроме того, для выявления различий между этими группами недостаточно, чтобы антрополог отсортировал исторически достоверные объективные элементы сходства и различия. В подобных исследованиях нужно принимать во внимание, что говорят о себе сами люди, как они определяют себя (утверждение) и других (стигматизация). Ф. Барт ввел для этого концепт *границы* (boundary) – границы социальной, конструируемой индивидами и непрерывно обновляемой. Таким образом, граница между узбеками и таджиками (или другими группами) больше не рассматривается как естественная, биологическая, но как социально конструируемая. При таком взгляде на узбекское общество антрополог не может объективно категоризировать входящие в него группы на основе культурных черт, он не может также применять статистические инструменты для подсчета численности этих групп или картографировать этносы, если он отказывается от идеи рассматривать различия как органически присущие той или иной группе и жестко фиксировать их.

Ильхамов предлагает пересмотреть некоторые исторические события – определяющие для узбекской нации. Его критический анализ действий “научного государства”⁵ – российского, а затем советского – вполне убедителен. Однако после произведенного анализа он, в свою очередь, переходит к выработке этнических категорий, статистических показателей и карт – и на основе этих категоризаций и

подсчетов предлагает объективное и статичное определение этнической группы “узбеки” и других групп региона.

Если вспомнить о предложении Ф. Барта принимать во внимание то, что сами люди говорят о своей идентичности⁶, то следует признать, что невозможно на базе объективных критериев отличить узбека от таджика. Построение генеалогий показывает, что большинство интервьюируемых происходит от смешанных браков. Иначе говоря, в структуре отношений между этими группами отсутствуют брачные запреты, обычные в иных социальных ситуациях, где этничность лежит в основе политических взаимодействий. К тому же один и тот же человек может называть себя таджиком в одних ситуациях, и узбеком – в других, т.е. идентичность носит ситуационный характер. Это поле для маневра и культурные механизмы идентификации, используемые индивидами, создают одновременно богатство и сложность узбекского общества. Границы между различными группами определяются, таким образом, с помощью маркеров, которые могут изменяться на протяжении эпох, в зависимости от социальных или политических условий.

Если индивиды и группы имеют определенную свободу выбора, этничность предстает в форме взаимоотношения сходство-различие. Однако во многих случаях индивиды или группы скорее терпят свою идентичность, нежели требуют ее признания. *Идентичность – это не только то, что мы утверждаем, это также и то, что нам навязывает социальное окружение (“приписанная идентичность”).* В Узбекистане, в частности, некоторые группы, которые хотели бы называться “узбеками”, встречают противодействие со стороны новых социальных сил, воплощающих политику “узбекизации” общества. Это характерно, например, для Самарканда и Бухары, куда в последние годы идет массовая миграция узбекоговорящего населения из сельской местности. Вновь прибывшие оказываются в состоянии социальной конкуренции с традиционным городским таджикоязычным населением. В этих условиях некоторые индивиды особо настаивают на своей узбекской идентичности, дабы обосновать свой более высокий социальный статус по сравнению с таджикоязычным населением, которое они пытаются представить как неузбеков. К счастью, идентичность в Узбекистане пластична, что дает индивиду возможность “играть” со своей идентичностью, т.е. иметь несколько идентичностей одновременно. Маркеры, используемые для различения групп, не носят исключающего характера. В. Тишков⁷ очень хорошо показал на примере узбекско-киргизских волнений в Ферганской долине, с какими сложностями противоборствующие стороны определяли, кто есть кто. К большому счастью⁸, в случае Узбекистана мы не имеем дела с обществом, где переход из одной группы в другую невозможен.

Государство со своей стороны также может быть источником навязываемой идентичности. Ильхамов совершенно справедливо демонстрирует это на примере переписей, статистики, паспортной системы – всех этих технических и административных механизмов, объективирующих идентичность и часто обязывающих индивида определиться по отношению к государству. Государство, при помощи подсчетов и категоризаций, может замкнуть индивида в рамках одной исключительной идентичности, тогда как сам он нередко имеет множественную идентичность. Тот факт, что Узбекистан не захотел проводить перепись населения, объясняется, несомненно, нежеланием создавать условия для конструирования этнического национализма⁹.

В то же время нельзя отрицать того обстоятельства, что новый политический дискурс, выработанный после 1991 г. и основанный, по сути, на этногенетической концепции Якубовского, способствует исключению определенных групп населения из “социального контракта”. На данном этапе речь идет уже не об этнических отно-

шениях, а о создании государства-нации, унаследовавшего принцип национальностей, приверженцем которого, в частности, был президент США В. Вильсон. В чем можно упрекнуть Ильхамова, так это в укреплении этнического понимания нации. Признание существования этнических групп неявно подводит к мысли о том, что есть граждане – этнические узбеки (большинство) и граждане, относящиеся к этническим меньшинствам (таджики, казахи, ирони и др.). Это представление в принципе ведет к признанию легитимности ситуации, когда власть находится в руках большинства. Демократизация же призвана скорректировать положение, предоставив права меньшинствам (таджикам, киргизам, русским и др.).

Такое видение узбекского общества представляется весьма сомнительным в свете сказанного выше. Узбекистан, по моему мнению, не является обществом, основанным на этнических отношениях. Сети солидарности и карты конфликта организованы скорее по принципу регионализма, нежели по этническим линиям. Рассматривая нацию с этнических позиций, Ильхамов невольно оправдывает преимущественный доступ этнических узбеков к политической власти.

Неоспоримо в то же время, что власти Узбекистана избрали путь узбекизации. Однако реализация этого принципа осложняется, если он не уравновешен интегрирующей и недискриминационной концепцией гражданства. Ряду групп в сегодняшнем Узбекистане (русским, корейцам, ирони и др.) сложно претендовать на узбекскую идентичность. Понятно, что и социальная интеграция осложняется для индивида или группы, если они оказываются замкнутыми в рамках исключительно этнической идентичности, которая превалирует над гражданской, гарантирующей доступ к политической жизни, к образованию и пр.

В дискуссии по поводу современных национальных государств в различных трудах, посвященных проблемам нации и национализма, нередко наблюдается смешение аналитического и нормативного уровней. “Нация” стала ключевым словом в современном мироустройстве, хотя в политической истории общества это не всегда было так.

Поэтому Э. Геллнер предлагает изучать не нации, но национализм, как этап возникновения нового политического инструмента. Согласно Геллнеру, нации – продукт национализма, а не наоборот, как в том пытаются уверить нас многочисленные идеологи Нации. Нация стала легитимирующим принципом, конкурируя с другими принципами (династическим и пр.), на которых базируется создание государств. В этом отношении Ильхамов очень хорошо демонстрирует роль ключевого периода советизации, в ходе которого были созданы все необходимые элементы, послужившие в 1991 г. основой для концептуализации узбекского государства-нации.

Как уже было сказано, автор справедливо ставит вопрос о вкладе русских востоковедов и советских этнологов в создание этнических и национальных категорий при помощи статистических данных и этнических карт, которые в итоге сделали возможным новое социальное устройство. Но мы имеем право равным образом задать вопросом о силе влияния международных и неправительственных организаций (например, Фонда Сороса), которые категоризируют и подсчитывают население, не прекращая создавать этнические меньшинства, подобно тому как советские ученые (часто неосознанно) участвовали в создании национальностей.

В заключение следует подчеркнуть, что “Этнический атлас Узбекистана” поднимает проблемы, имеющие значение далеко не только для узбекского общества. Независимый Узбекистан, как и все постсоветские государства, унаследовали от СССР принцип национальностей, и этим государствам стоит большого труда от него отказаться. В рамках этой системы этничность стала способом понимания реальности.

К тому же в эпоху глобализации именно новый мировой порядок (агентами которого являются международные и неправительственные организации, подобные Фонду Сороса) навязывает государствам в качестве нормы принцип меньшинства. Очевидность существования этнических меньшинств в этих условиях не нуждается в какой-либо аргументации. Отличается ли данная ситуация от той, что существовала при советском режиме?

Это именно тот вопрос, который должен интересовать антрополога, изучающего современность. И если я нисколько не сомневаюсь в искреннем стремлении авторов “Этнического атласа” более глубоко понять устройство узбекского общества, у меня есть все основания сомневаться в искренности намерений организаций (типа Фонда Сороса), которые финансируют создание атласов меньшинств не только в Центральной Азии, но и в других постсоветских государствах. Не приведет ли эта деятельность к созданию меньшинств, как мы это уже могли наблюдать в странах Восточной Европы, и не выведет ли она политические игры на новый уровень, чреватый дестабилизацией этих обществ? Является ли установление мирового порядка, основанного на принципе этнических меньшинств, гарантией меньшей конфликтности, большей справедливости, большего равенства и демократии? Будущее это покажет...

Примечания

¹ В использовании терминов “этническая группа” или “этнос” без разъяснения их смысла можно упрекнуть авторов многих публикаций, посвященных Центральной Азии, – как ученых, так и журналистов.

² В англоязычной литературе см.: *Barth F. Ethnic group and boundaries: the social organisation of difference. L., 1969*, во франкоязычной – *Amselle J.-L. Au cœur de l'ethnie: ethnologie, tribalisme et Etat en Afrique. P., 1985*, в русскоязычной – специальный выпуск журнала “Советская этнография” (1987, № 5), в частности статью С. Арутюнова “К расширению предмета этнографии”, или из более поздних публикаций книгу: *Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2004*.

³ См.: *Petric B.-M. L'ethnologie ouzbèke: une continuité paradoxale // Le journal des anthropologues. 2001. № 87*.

⁴ Следует подчеркнуть важность влияния естественных наук на формирование этнологии как научной дисциплины в конце XIX в.

⁵ Термин, введенный Э. Смитом, который понимает под “научным государством” современное государство, использующее научные методы (статистику, переписи и пр.) для легитимации своих действий. См.: *Smith A. National Identity. L., 1991*.

⁶ *Petric B.-M. Pouvoir, don et réseaux en Ouzbékistan post-soviétique. P., 2002*.

⁷ *Tishkov V. Don't kill me, I'm a Kirgiz // Jour. of Peace Research. Vol. 32. № 2*.

⁸ Как известно, наиболее смертоносными являются этнические конфликты между группами, обладающими нестираемыми характеристиками (пример религиозных различий между сербами и албанцами).

⁹ Известно, что нередко именно перепись становится особенно конфликтным событием, непосредственно предшествующим вооруженному конфликту (пример Югославии в 1989 г., Руанды и пр.)

Перевод Е.И. Филипповой